

Предпосылки успешного разрыва Брестской Унии на территории Российской империи в 1839 году

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия

Католические и настроенные националистически современные белорусские авторы, а также такие православные историки, как Г. Шавельский, И. Смолич и др., главным фактором успеха ликвидации Унии в пределах России в 1839 г. считают участие в этом деле властей Российской империи. Несомненно, Полоцкий собор не мог бы состояться без вхождения белорусских и украинских земель в состав России. В то же время, внимательное изучение процесса подготовки воссоединения униатов с православными приводит к выводу о том, что император Николай I и ответственные за подготовку разрыва Унии правительственные чиновники не сумели поставить предложенный архиереем-воссоединителем митрополитом Иосифом (Семашко) проект на прочный организационный фундамент, а также не проявили достаточной компетентности, твердости и последовательности в его реализации. Если бы все зависело только от правительства, то с достаточной долей уверенности можно предположить: возвращение униатов в Православие в 1839 г. не могло бы совершиться.

Большинство православных исследователей видят основную причину благополучного исхода разрыва союза с Римом в литургическом сближении униатов с православными, которое преосвященный Иосиф (Семашко) осуществил в 1830-е гг.^[1] Представляется, что это заблуждение. Действительно, в оставленном проекте воссоединения массиве документов после 1834 г. очень много говорится об иконостасах, литургической литературе, утвари, облачениях, правильном богослужении и проч. Это бросается в глаза и обманывает исследователей. Между тем обрядовые реформы не играли, да и не могли играть главную роль. Реально они начались только в 1834 г. До этого о них вообще не было ни слова. Более того, сам инициатор воссоединения – епископ Иосиф (Семашко) – признавал их вредными. В 1830 г. в отчете об обозрении униатских духовных училищ, поданном Д.Н. Блудову, он писал: «Преобразование Греко-униатской Церкви началось с самым благоприятным успехом; больше даже, нежели можно было ожидать. Оно будет продолжаться с подобным же успехом, ежели еще на некоторое время не касаться слишком сильно обрядов и других внешностей, всякого из униатов лично задевающих»^[2]. Наконец, архиерей-воссоединитель настаивал на подчинении униатского Высшего церковного управления Св.

Синоду как в 1838 г., когда литургические преобразования уже значительно продвинулись, так и в 1832 г., когда они еще и не начинались. Значит, достижение богослужебного единообразия униатов с православными не являлось основой воссоединительного проекта.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует обратить внимание вот на что. Несомненно, возвращение католиков восточного обряда к православным формам богочитания было необходимым. Согласно плану воссоединения, выдвинутому Семашко 1827 г. в записке «О положении Униатской Церкви в России...», оно должно было быть инициировано самим униатским духовенством «снизу» по мере успеха институциональных реформ в союзной Риму Белорусско-Украинской Церкви, убеждения духовенства в религиозной справедливости и неизбежности воссоединения, а главное, по мере возрождения среди клира православного мироощущения и духовной практики. Священники сами собой должны были прийти к желанию избавиться от латинских наслоений в службе, стремиться к восстановлению свойственного Восточной Церкви литургического пространства храмов, убеждать прихожан в необходимости таких изменений. После польского восстания 1830-31 гг. на это не осталось надежды по вине российской власти.

В 1832 г. владыка Иосиф (Семашко), предлагая передать Греко-униатскую коллегия в ведение Св. Синода, говорил, что ее можно будет употребить для постепенного «искоренения из униатского обряда некоторых слишком резких для Греко-Российской Церкви нововведений; например, торжественного праздника священномученика Иосафата, воспоминания Папы, а может быть, исключения из символа партикулы и сына»^[31]. Здесь, очевидно, речь идет не об обрядовых, а о канонических и догматических изменениях, которые должны были осуществиться по мере сближения униатов с православной иерархией. Унификация униатского и православного богослужений не подразумевалась. Тем не менее, она действительно была начата преосвященным Иосифом в 1834 г.

Причина заключается в следующем. Император Николай I и куратор воссоединительного проекта Д.Н. Блудов не решились на реализацию предложенной Семашко в 1832 г. передачи униатов под руководство Св. Синода. Однако преосвященный Иосиф не видел другого пути разрыва Брестской Унии. Он полагал, что рано или поздно униатов придется подчинить Св. Синоду. После этого обязательно должен был встать вопрос о сближении богослужебных практик. Но обрядовые изменения не были подготовлены длительным развитием тенденций, порожденных институциональными реформами. Поэтому на то, что священники будут сами желать приблизить униатские обряды к православным, надеяться уже не приходилось. Руководствуясь этими соображениями, владыка решил взять инициативу на себя и самостоятельно провести предварительную подготовку к передаче греко-католиков православному духовному

начальству. Он хорошо знал литургичность веры белорусов, поэтому предполагал, что делатинизация униатского обряда, неизбежная после подчинения униатов Св. Синоду, будет наиболее болезненной и для простого народа, и для духовенства. По его мнению, ее было желательно произвести до передачи униатских дел Св. Синоду, чтобы неприятности не исходили в глазах людей от новой духовной власти, «дабы отклонить впоследствии от греко-российского духовного начальства всякие за сие нарекания»^[4]. Одновременно архиерей-воссоединитель надеялся подтолкнуть правительство на более решительные шаги. Сближение православного и греко-католического богослужений должно было послужить одним из критериев успешности, крайне необходимых воссоединительному проекту. Таким образом, обрядовые преобразования рассматривались владыкой лишь как тактический шаг перед началом комплекса мероприятий по соединению Унии с господствующей Церковью.

Для правительственных чиновников успешная литургическая реформа стала, особенно в 1838 г., одним из важных аргументов, чтобы пойти на окончательное упразднение Унии. Она во многом сгладила вхождение униатов в Православие после подчинения их Св. Синоду в 1839 г. Это были прогнозируемые владыкой результаты. Однако нельзя не видеть, что успехи богослужебных преобразований были очень неравномерно распределены по разным частям Униатской Церкви. Изменения проводились на основании постановления Греко-униатской духовной коллегии от 7 февраля 1834 г., а также позднейших ее распоряжений. Они все инициировались преосвященным Иосифом, который неукоснительно проводил их в жизнь в пределах своих властных полномочий в Литовской епархии. Здесь они проходили вполне удачно, главным образом благодаря созданной владыкой системе работы с духовенством, его такту, последовательности и твердости. Белорусская же епархия, находившаяся под омофором митрополита Иосафата Булгака, была для него недоступна. Архиерей-воссоединитель полагал, что литургические преобразования в более латинизированной Литовской епархии в большей степени необходимы, что своим примером они не могут не повлиять на Белорусскую епархию, где униатский обряд был гораздо ближе к православному. Несмотря на это, затруднения здесь он предвидел с самого начала. В записке от 25 октября 1833 г. «О ходе униатского дела...» преосвященный прямо говорил, что мерами по литургическому сближению униатов с православными невозможно управлять сверху. В этой области слишком много местных особенностей и обстоятельств. В связи с этим вся ответственность ложится на местные епархиальные начальства. Надо обратить пристальное внимание на подбор людей на иерархические должности и предоставить им нужные средства и достаточную свободу действий^[5]. Поэтому он предложил рукоположить и

назначить на должность викарного епископа в Полоцк Василия (Лужинского), своего давнего единомышленника и выпускника Главной католической семинарии при Виленском университете. Такое назначение по представлению владыки Иосифа состоялось в 1834 г. Через епископа Василия архиерей-воссоединитель надеялся распространить богослужебные изменения на духовенство и храмы Белорусской кафедры. Но владыка Василий оказался в трудном положении. Он не смог прямо действовать против воли правящего архиерея – митрополита Иосафата (Булгака), не сумел преодолеть сопротивление наполненной противниками воссоединения епархиальной консистории. Виной тому были не только условия, в которых он оказался, но и, конечно, его нерешительность в исполнении постановлений Греко-униатской коллегии, направляемой Семашко. Негативную роль сыграли также развернутые православным Полоцким епископом Смарагдом (Кржижановским) частные присоединения, заставившие униатов отшатнуться от православных. В результате Белорусская епархия оказалась очень мало затронутой богослужебной реформой.

Системная причина этой проблемы состояла в слабом организационном основании воссоединительного проекта, из-за чего его мероприятия оказывались в слишком большой зависимости от личностей и обстоятельств. Приходится отметить не слишком красивую роль Д.Н. Блудова. Преобразования в литургической сфере были начаты епископом Иосифом без его ведома. Они проводились без его деятельного участия и только благодаря энергии владыки Иосифа. Мало того, Блудов в официальных докладах императору явно старался приукрасить общую картину, что, впрочем, было свойственно высшим должностным лицам империи в николаевскую эпоху. В 1834 г., когда богослужебные изменения в Унии еще только начинались, он уже оптимистично рапортовал: «Почти все греко-униатские церкви снабжены уже необходимыми для богослужения книгами и во многих городских и сельских церквях казенного и помещичьего владения устроены иконостасы»^[6]. При этом Блудов не обращал внимания на настойчивые напоминания Семашко, что обрядовые преобразования являются подготовкой к главной мере – подчинению униатов Св. Синоду; не заметил, что действия епископа Иосифа имеют успех только в его собственной епархии. В целом он проглядел отставание Белорусской епархии. Для его преемника графа Н.А. Протасова в 1837 г. оказалось большой неожиданностью узнать от преосвященного Иосифа о разной степени готовности двух униатских епархий к воссоединению.

Обрядовое сближение с православными, по большому счету, коснулось лишь половины униатов, но, в общем, сыграло роль аргумента для правительственных чиновников. Однако главное его значение состояло в другом: делатинизация обряда неожиданно открыла возможность,

послужила поводом для откровенного разговора о дальнейшей судьбе Унии между сторонниками воссоединения и приходскими священниками. Она была использована архиереем-воссоединителем для проверки настроений духовных лиц, для убеждения их в истинности Православия и необходимости соединения с ним. «Обучение правильному богослужению, – по воспоминаниям митрополита Иосифа, – было настоящим оселком для испытания благонадежности духовенства»^[7].

При внимательном взгляде на процесс разрыва Унии становится очевидным, что его развитие и благополучное завершение стало возможным исключительно благодаря вольному или невольному согласию греко-католического клира. Можно было реформировать церковные учреждения, как угодно перестроить храмы, пытаться внедрить православные богослужебные книги и облачения, даже посылать униатское духовное юношество в православные училища и подчинить униатов Св. Синоду, но если бы униатские духовные лица продемонстрировали твердость в католическом вероисповедании, то все было бы тщетно. В этом случае никакая ни светская, ни духовная власть ничего не сумели бы добиться ни кнутом, ни пряником. Поэтому важнейшим для продвижения проекта воссоединения являлся вопрос позиции греко-католического клира. Понимание этого можно увидеть в мнении самого, пожалуй, авторитетного среди униатского белого духовенства священника – протоиерея Михаила Бобровского. В 1835 г. в письме настоятелю Виленского Свято-Троицкого монастыря Босяцкому он писал: «Наклонение Унии к падению вовсе не зависит от реформ церковных обрядов, т.е. от восстановления богослужения по греческому уставу. Таковые реформы в прошлом столетии были произведены и в Галиции заботливостью львовского архиепископа Ангеловича; такое обстоятельство, однако, не прекратило существование Унии. Существование Унии в Литве и ее падение есть дело рук Божиих. Реформы, начатые Лисовским, теперь продвинулись вперед гигантскими шагами, и, к чему они дойдут, – время покажет. Подписки о воссоединении с православием, данные епископами (А. Зубко, В. Лужинским – А.Р.), не исключая епископа Жарского, – кроме не давшего подписки митрополита Булгака, – а также некоторыми священниками, занимающими должности, доказывают, однако, что уже настал конец Унии в Литве»^[8].

Прежде чем рассмотреть эту проблему, надо сразу определить: какая часть униатского духовенства представляла собой главное препятствие на пути упразднения в пределах России союзной Риму Церкви. Из анализа замысла разрыва Унии, представленного правительству прелатом Иосифом Семашко в 1827 г., следует, что ни иерархия, ни монашество, несмотря на то что их можно назвать естественными противниками разрыва Унии, не могли ничего противопоставить плану сближения униатов с

православными с догматической и канонической точек зрения, а следовательно, проигрывали дело изначально. Этот вывод подтверждается при внимательном взгляде.

О сопротивлении епископата нет сведений. Общей чертой греко-католической иерархии была бездеятельность. П.О. Бобровский, основываясь на воспоминаниях протоиерея Михаила Бобровского, пишет, что униатские епископы вообще «относились равнодушно, безучастно к самым вопиющим нуждам своей Церкви»^[9]. Это подтверждает и епископ Иосиф. В частности, по его свидетельству, митрополит Иосафат (Булгак) «делами никогда не занимался»^[10]. К тому же это были люди, ценившие доброе отношение к ним со стороны власти и исходящие с этой стороны материальные блага, а поэтому неготовые противостоять правительственным распоряжениям. Например, митрополит Иосафат был перед правительством «уступчив, даже гибок и угодлив... любил щеголять и красоваться своими верноподданническими чувствами»^[11].

Униатские епископы были убежденными католиками, сторонниками латинизации и полонизации Греко-католицизма. Своей бездеятельностью они косвенно способствовали латинскому прозелитизму, перерождению униатов в польских латинян. Но одновременно они несли ответственность за свой обряд, не имели ни формального, ни морального права выступать против оздоровления и укрепления своей Церкви в рамках проекта Семашко. Например, они ничего не могли возразить, когда восстанавливалась подразумеваемая подписавшими в 1596 г. Унию епископами каноническая автономность Греко-католической Церкви, когда отменой права презенты укреплялась их собственная иерархическая власть, когда повышался уровень материального благополучия и образования белого духовенства и проч. Наконец, они не могли вразумительно аргументировать свое нежелание обрядового сближения с Православием. Ведь Уния была католическим церковным объединением восточного обряда. Показательна реакция епископа Льва (Яворского) на попытки владыки Иосифа склонить его к деятельности в пользу воссоединения с Православием. Этот преосвященный ответил просто: «Дайте мне спокойно умереть, а после моей смерти делайте, что хотите»^[12]. Приблизительно то же самое говорил и митрополит Иосафат (Булгак)^[13]. Исключение составлял только управляющий Белорусской епархией епископ Иаков (Мартусевич), который на словах был готов даже мученически пострадать за католическую веру^[14]. Однако все его противодействие свелось к местечковым интригам в пределах города Полоцка^[15]. Все это не имело серьезного значения и было легко остановлено назначением в 1829 г. епископа Иосифа викарием Белорусской епархии.

Впрочем, старая униатская иерархия очень скоро после начала реформ покинула этот мир. Епископы Адриан (Головня) и Кирилл (Сероцинский)

умерли в 1831 г., Иаков (Мартусевич) и Лев (Яворский) – в 1833. Остался только митрополит Иосафат (Булгак), который решительно ничего не предпринял для сохранения Унии, хотя был твердым католиком. По мнению Г.Я. Киприановича, «заслужой» митрополита Иосафата перед делом воссоединения является то, что «он не противодействовал реформам высшего правительства... Кроме того, долговременное пребывание приверженного к Унии митрополита Булгака во главе Высшего униатского церковного управления, в подготовительный период воссоединения давало санкцию некоторым мероприятиям, исходившим из коллегии, в глазах ревностных униатов»^[16]. Горькая «заслуга» для убежденного католика.

После 1834 г. еще одним, вместе с митрополитом Иосафатом (Булгаком), явным противником воссоединения был епископ Пинский Иосафат (Жарский). Но он уронил себя стяжательством. По свидетельству митрополита Иосифа, Жарский, будучи архимандритом, во время визитации обителей в 1832 г. «выжимал, что мог из монастырей, даже возил с собою ювелира и прибирал будто к рукам драгоценные камни, заменяя их стеклышками»^[17]. При возведении в епископский сан он получил большее, чем владыки Антоний Зубко и Василий Лужинский содержание. Ему были переданы в управление фондуши Бытеньского, Лещинского и упраздненного Антопольского монастырей, а также капитал, ранее находившийся в руках провинциалов Литовской и Русской провинций. Таким шагом правительство не покупало лояльность Жарского. Блудов надеялся на то, что, получив епископское посвящение, Жарский использует предоставленные ему средства на литургические преобразования в монастырях. Однако эти надежды оказались напрасными^[18]. «Сделавшись епископом, – пишет И.А. Хлебцевич, – Жарский... оказывал всем распоряжениям епископа Иосифа чисто пассивное противодействие, проще сказать не исполнял предписаний епархиальной власти. Открыто действовать и притом активно он не мог уже по тому самому, что был викарным епископом, подчиненным епархиальному епископу Иосифу, а главное, что его в Петербурге уже поняли»^[19]. После его кончины в начале 1838 г. была найдена предсмертная записка, в которой он объявлял себя непричастным ко всем действиям по Греко-униатской Церкви^[20]. Эта записка могла бы заставить отнестись к владыке Иосафату с сочувствием, если бы не тот факт, что при получении епископского сана он дал подписку о желании присоединиться к Православию в любое время.

Таким образом, униатская иерархия не оказала сколько-нибудь значительного противодействия подготовке воссоединения, хотя епископы прекрасно видели, к чему все клонится. Это поразительное свидетельство трагедии униатского сознания, разрываемого между ответственностью

перед своим обрядом, послушанием Риму, интересами народа и лояльностью правительству своей страны.

Униатское монашество тоже не противопоставило проекту воссоединения ничего серьезного. Давая характеристику последовавшему за началом преобразований в Унии в 1828 г. сопротивлению иночествующих, митрополит Иосиф писал в воспоминаниях: «Монашество... базилианское делало порядочную оппозицию – и неудивительно – оно было духом и составом римско-католическое и отстаивало свою самобытность... К счастью, базилиане не могли ссылаться на догматические и канонические причины, а потому не могли иметь и явной поддержки от римских католиков. Против базилиан, как и в первых основных мерах униатского дела, действовало было сообразно папским булам и постановлениям. При том базилиане не имели никакого влияния на белое униатское духовенство; напротив, были с ним в постоянном антагонизме. Потому оппозиция базилиан не имела почти никакого вредного действия, а через несколько времени и прекратилась совершенно, особенно по выходе в латинство более рьяных базилиан и после смерти в 1830 году провинциалов Билинкевича и Мудровича»^[21]. Действительно, к 1835 г. монастыри покинули выходцы из римского обряда. В униатском монашестве осталось 197 человек^[22]. Среди них, рожденных и воспитанных в Унии, было значительное число недовольных, но их сопротивление свелось к непослушанию своим настоятелям, распространению сплетен и слухов, мелким интригам и даже к хулиганским выходкам. Например, в 1838 г. иеромонах Иосафат (Шавровский) отправил престарелому митрополиту Иосафату (Булгаку) письмо, в котором, не стесняясь в выражениях писал: «Не удивляйся, что я пишу к тебе; я не решался на это, но мне три раза являлся св. Иосафат и велел сказать тебе – «ты продал Унию; ты не пастырь, а волк... недаром ты называешься Булгак, – это на буллу как»^[23]. За дерзость Шавровский был перемещен из Любовицкого в Березвецкий монастырь под строгий надзор настоятеля. По-видимому, этот эпизод ускорил кончину митрополита^[24].

В условиях, когда естественные противники или не сумели организовать эффективное сопротивление, или заняли пассивную позицию, той частью униатского клира, от которой зависел успех или провал подготовки общего воссоединения, являлось белое приходское духовенство. Настроение и взгляды этих людей в условиях, когда они оставались единственной интеллигентной силой народа, оказывались решающими.

Надо сказать, что в среде белого духовенства нашлось немало число убежденных противников союза с Римом. На это указывают православные историки. Они говорят, что митрополит Иосиф выявил и объединил вокруг себя своих единомышленников, что они стали опорой для деятельности архиерея-воссоединителя. С этим нельзя не согласиться.

Однако нужно отметить, что до 1834 г. владыка никому не открывал свои настоящие намерения. Он подбирал на должности преподавателей Литовской семинарии, на места благочинных и заседателей консистории людей лояльных Православию и российскому правительству. Но это и все. Большого в рамках замысла, предложенного правительству в 1827 г., не требовалось. Владыка никого не подталкивал к мысли о полном упразднении Унии, а говорил лишь о том, что все совершается для блага клира и оздоровления Униатской Церкви, что, в общем-то, соответствовало действительности^[25]. Разговоры о вредности существования Греко-католицизма начались после польского восстания 1830-31 гг. в кругу профессоров Литовской семинарии, о чем свидетельствует архиепископ Антоний (Зубко)^[26], но это произошло само собой, не по инициативе преосвященного Иосифа. Он начал целенаправленно собирать единомышленников, открыто говорить им о своих планах только в конце 1833 – начале 1834 гг. Тогда же он взял первые десять подписок о желании присоединиться к Православию в любое время от лиц, занимавших наиболее важные должности в системе церковного управления. Изменение его позиции, очевидно, было связано с коррекцией проекта воссоединения, попытками реализовать замысел, предложенный правительству в 1832 г. Для его воплощения в жизнь архиерею-воссоединителю требовались убежденные, деятельные помощники.

После 1834 г. архиерея-воссоединителя деятельно поддержали многие. Можно назвать не только ближайших его сподвижников архиепископов Антония (Зубко) и Василия (Лужинского). В это число вошла также вся преподавательская корпорация Литовской семинарии во главе с исполняющим обязанности ее ректора протоиереем Ипполитом Гомолицким. Владыке Иосифу помогали такие авторитетные пастыри, как протоиерей Михаил Бобровский, протопресвитер Антоний Тупальский, протоиереи Н. Слонимский, И. Железовский, П. Янковский, И. Гомолицкий, М. Голубович, Ф. Малишевский, В. Оленич, Я. Елишевич, Л. Паньковский, Я. Грудзинский, Ф. Горбацевич, С. Горбачевский, А. Будзилович и многие др. Можно сказать, что все священники, трудившиеся на епархиальных административных должностях и на местах благочинных, разделили в той или иной мере труды высокопреосвященного Иосифа. На плечи этих людей легла вся работа по убеждению приходского духовенства в истинности Православия и сбору подписок о желании оставить Унию. Мало того, в эту категорию духовенства нужно записать всех настоятелей наиболее крупных и значимых приходов. Они при своем назначении давали присягу не Папе, как в прежние времена, а императору и не отказывались от этого, ссылаясь на греко-католический канонический порядок. Тем самым эти священники

со всем пониманием происходящего поддержали курс на разрыв союза с Римом.

Действительно, можно говорить о том, что после 1834 г. владыка Иосиф выявил своих единомышленников, которых оказалось достаточно много, объединил их и направил против Унии. Это стало залогом успеха воссоединительного проекта, но не его главным фактором. Дело в том, что, во-первых, удельный вес преподавательской корпорации Литовской семинарии и начальствующего духовенства все-таки был невелик по сравнению с общей массой приходского клира. Если бы приходские священники не согласились с аргументами убежденных сторонников упразднения Унии, проявили твердость в католическом вероисповедании, то это просто привело бы к расколу в духовенстве и похоронило надежды на общее воссоединение. Во-вторых, проект осуществлялся неуклонно и последовательно лишь в половине Униатской Церкви – в Литовской епархии. В Белорусской дела обстояли иначе. Здесь те, кто был готов деятельно участвовать в движении к Православию, не были ни объединены, ни направлены в нужное русло. Следовательно, вновь приходится сделать вывод, что главной предпосылкой для успешного завершения воссоединительного проекта являлась позиция многочисленного низового приходского духовенства. Была важна степень его приверженности католическому пути ко спасению.

Преосвященный Иосиф был уверен в том, что этот фактор не представляет собой непреодолимого препятствия. В записке от 25 октября 1833 г. «О ходе униатского дела и о частном присоединении униатов православным духовенством» он писал: «Двухмесячное в епархии пребывание слишком меня убедило, что при усердии, благоразумии и умении пользоваться местными обстоятельствами соотношениями, весьма многое можно сделать самыми кроткими, от епархиального начальства зависящими мерами – все гнется, все безмолвствует, и мне случилось неоднократно заставить просить о том, чего приказать еще не осмелился...»^[27]. Действительно, работа с духовенством оказалась на удивление не такой сложной.

Убеждение приходского клира в необходимости разрыва союза с Римом стало не самостоятельным процессом, а побочным эффектом делатинизации униатского обряда. При внедрении служебников московской печати в 1834 г. выяснилось, что священники расценивали подписки об использовании в службах православных книг как свое согласие на Православие, в чем, кстати, их уверяли помещики-католики. Это было следствием целенаправленной политики польских латинян, которые всеми средствами держали униатов в невежестве и культивировали среди них обрядоверие^[28]. Поэтому никаких дискуссий о догматических тонкостях ни владыке Иосифу, ни его единомышленникам, собранным в преподавательской корпорации Литовской семинарии и на

наиболее ответственных церковных должностях, вести практически не пришлось. Помимо этого, работу с духовенством облегчил общий подход, использованный владыкой Иосифом, который очень хорошо знал положение приходских униатских пастырей, особенности их быта и специфику мышления. Большинство белого духовенства бессознательно веровало в превосходство Римского Католицизма, но это превосходство никто не доказывал, и эта вера была слаба. Сверх того, духовенство не испытывало к Латинству и его представителям симпатии, поскольку чувствовало с этой стороны иногда прикрываемое маской дружелюбия, а иногда неприкрытое презрение. Преобразования Униатской Церкви, осуществленные в 1828-29 гг., заставили белый клир увидеть заботу о себе и своих детях, идущую от новых, не вышедших из базилианского ордена, епископов. Это вызвало у священников-униатов чувство благодарности. «Я удостоверился в том (чувстве благодарности – А.Р.), – пишет владыка Антоний (Зубко), – беседуя с священниками, приезжавшими по делам в Жировицы, и во время многократных объездов епархии»^[29].

В разговорах с низовым духовенством о необходимости отказаться от Унии, которые по благословию преосвященного Иосифа велись его сторонниками, упор делался на индивидуальный подход, доброжелательное и уважительное отношение. «Каких глубоких соображений, – свидетельствует П. Янковский, сам участвовавший в работе со священниками под руководством преосвященного Иосифа, – каких напряженных трудов, каких утомительных индивидуальных мер, какого бесконечного разнообразия в их применении, какой снисходительности к слабостям, какого вещего чутья к недоразумениям, какой нежности вообще, такта и дара внушения требовалось здесь на каждом шагу в отношении этих людей, незлобивых и непредубежденных, но ссылавшихся постоянно то на завет отцов, то на присягу, отобранную у них при рукоположении, то, наконец, на необходимость соборного авторитета, которому они готовы заранее и беспрекословно подчиниться»^[30].

Естественно, что в таких обстоятельствах униатские священники выбирали ту сторону, которая представляла доказательства своей правоты, а не просто заставляла преклоняться перед искусственно надутым авторитетом, – сторону, которая проявляла к ним уважение и деятельное сочувствие. Вообще, по свидетельству протоиерея Плакида Янковского, «тип униатского священника отчасти, но довольно отчетливо, представляла в это время самая его наружность – убогая, но опрятная, какая-то все еще робкая и застенчивая, но вместе с тем со всеми несомненными признаками понятливости и прямоты, в равной мере далекая от какой бы то ни было затаенной злобы, как и от слепого фанатизма»^[31]. Отсутствие фанатизма и доверие к архипастырям

послужило тому, что призыв к Православию владыки Иосифа нашел отклик в сердцах духовенства.

В целом на убеждение униатов в необходимости упразднения Унии в Литовской епархии потребовалось три года – с 1834 по 1837 г. Противодействия не было – все сомнения и протесты коснулись только восстановления обрядов по греческому чину, и они не носили сколько-нибудь серьезного характера. «Возможное сопротивление, – писал митрополит Иосиф в воспоминаниях, – притупилось безвредно на первом (литургической реформе – А.Р.), так что последнее (религиозное убеждение – А.Р.) совершилось по Литовской епархии почти беспрепятственно»^[32]. Закончился процесс сбором в 1837-38 гг. подписок с духовенства о желании воссоединиться с Православием. Всего в обеих епархиях подписки дали 1305 священнослужителей. Соразмерно с отставанием Белорусской кафедры в делатинизации обряда, большая часть пожелавших стать православными оказалась в Литовской епархии.

Подписки стали основным аргументом для правительства, чтобы решительно пойти на воссоединение. Правильность совершения служб и восстановление литургического пространства храмов согласно восточной традиции стояли на втором месте. Святитель Филарет Московский выражал опасение, что еще 421 униатский священник и 172 монаха не дали подписки^[33]. На первый взгляд, это большие цифры, и кажется, что тревога святителя Филарета была обоснованной. Однако в отношении Протасову от 26 февраля 1839 г. преосвященный Иосиф так описал сложившийся расклад: «Духовных, не обязавшихся еще присоединиться к Православной Церкви, состоит: по Литовской епархии 116 белых священников и 95 монашествующей братии, – по Белорусской же епархии 305 белых священников и 77 монахов. Духовных однакож сих должно считать по большей части скорее сомнительными, нежели неблагонадежными. Из них: по Литовской епархии считается 59 безместных священников, а остальные по большей части престарелые, которых, как и безместных, не признано нужным тревожить требованием подписок, так что едва остается 20 священников, коих настает надобность или устранить, или приобрести для Православной Церкви; по Белорусской епархии считается безместных священников 136, от которых как от прочих, не обязавшихся присоединиться к Православной Церкви, по большей части не требуются еще подписки; и хотя по епархии сей оказалось до полутора ста священников, обнаруживших сопротивление в даче помянутых подписок, но, по всей вероятности, после расстройства бывшей здесь интриги и высылки зачинщиков оной, весьма также малое окажется число действительно неблагонадежных»^[34]. Отсюда видно, что, на самом деле, все обстояло не столь мрачно, как издали представлялось Московскому святителю.

Воссоединение полностью подтвердило правоту владыки Иосифа. Успешное убеждение униатских священнослужителей в истинности Православия заставляет серьезно задуматься: как могла существовать Церковь, пастыри которой не были тверды в своем вероисповедании? Ответ очевиден: только внешней силой и обманом. Заслуга архиерея-воссоединителя состоит в том, что он хорошо знал эту силу, распознал обман и не побоялся разрушить их. Однако относительная легкость, с которой почти полторы тысячи униатских священников изменили свое вероисповедание, – это слишком удивительный факт. Он не только вызывает многие вопросы, относящиеся скорее к философии истории, но и подозрения. Поэтому самым животрепещущим вопросом проекта воссоединения является вопрос о репрессиях в отношении униатского духовенства и насилии над свободой совести простого народа.

Репрессии якобы в массовом масштабе имели место при подготовке упразднения Унии. Следует заметить, что Литовский митрополит прекрасно понимал: полицейские меры нельзя считать главным средством решения религиозных вопросов. Религия – это область свободы, и насилие здесь ведет к прямо противоположным результатам. «Содействие же полицейских властей..., – писал владыка Св. Синоду уже после воссоединения 12 июня 1843 г., – не всегда может быть полезно, а часто даже бывает и вредно»^[35]. Он никогда не полагался на насилие. В Унии митрополит Иосиф видел тонкий налет на теле части Белорусской и Украинской Церкви, который повлиял на иерархию и духовенство, но не изменил глубинные пласты народного самосознания. Поэтому народ не трогали. Его пытались беречь только польские паны, испугавшиеся за Унию как за оплот власти над белорусами^[36]. Говорить о насилии над свободой совести простых верующих нельзя. Тем более, что народных волнений ни во время подготовки, ни во время совершения воссоединения не было.

Репрессиями в отношении духовенства называют: 1) вызовы священников в Жировичский монастырь для изучения правильного чина богослужения (якобы там они подвергались моральному давлению и угрозам); 2) переводы на другие приходы; 3) временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на причетнические должности; 4) помещение на епитимию в монастырь на некоторый срок или до раскаяния; 5) высылки в Российские губернии. Всего за годы подготовки воссоединения католические историки насчитывают от 92^[37] до 106^[38] пострадавших духовных лиц.

Прежде всего, надо сказать, что вызовы в Жировичи никоим образом нельзя назвать наказанием. Многим не хотелось туда ездить из-за дальности дороги и нежелания отрываться от хозяйственных забот, что было хорошо известно преосвященному Иосифу. Но это вопрос церковной дисциплины. Обучение в Жировичах было настолько репрессивной мерой,

насколько таковой являются курсы повышения квалификации, к примеру, врачей или учителей, тем более, что никакого морального давления священники в Жировичах не испытывали. С ними велись доброжелательные и уважительные беседы.

Следующие три меры принадлежат обычной практике епархиального начальства, используются и сейчас. Они ни у кого не ассоциируются с репрессиями. Это меры строгости, призванные заставить ослушавшихся священников задуматься над своим поведением. Они в идеале должны вести к раскаянию и восстановлению послушания. Именно в таком смысле они применялись к тем, кто проявлял дерзость и неповиновение, отказываясь исполнять предписания епархиального начальства: восстановление греческих обрядов, принятие православных богослужебных книг. Практически во всех случаях это было вызвано нежеланием переучиваться, страхом потерять благосклонность помещиков-католиков, а не глубокими убеждениями. Как правило, после первого же прещения священники меняли мнение, не в последнюю очередь, стремясь угодить начальству. Некоторым на это требовалось время, но результат был тот же.

Например, в 1835 г. Новогрудский благочинный И. Гомолицкий организовал коллективный протест подчиненного ему духовенства против внедрения в литургический обиход православных служебников. Соответствующее письменное обращение, подписанное пятьюдесятью семью священниками, И. Гомолицкий подал епископу Иосифу. Это дело оказалось пустышкой. Оно было инициировано Гомолицким, не разобравшись, что владыка Иосиф требует восстановления богослужения по греческому чину не под давлением правительства, а по собственному убеждению. В результате объяснений этот протест закончился на следующий день. Гомолицкий отозвал его^[39]. Тем не менее, священники А. Плавский, М. Виторский, И. Савич, И. Марциновский, Ю. Горбацевич, И. Горбацевич, В. Горбацевич, А. Горбацевич отказались принимать служебники Московской печати^[40]. Вызванные в консисторию для объяснений, они не только проявили упорство, но и подали на имя императора прошение, в котором обосновывали свое мнение^[41]. За непослушание они были низведены на причетнические должности^[42]. Однако уже в марте 1836 г. священники И., Ю. и В. Горбацевичи оставили Унию и перешли в Православие, а И. Марциновский, М. Виторский и И. Савич приняли православные служебники^[43]. Объяснить столь скорое изменение убеждений можно лишь тем, что на сопротивление делатинизации обряда их толкало лишь стороннее влияние и личные амбиции.

Самым большим страдальцем за греко-католический обряд в этой группе священников стал Антоний Плавский, однокашник владыки Иосифа по Главной семинарии. Он вместе с другими священниками, оказавшимися

твердыми в отказе от московских служебников и проявившими дерзость – А. Горбачевичем и И. Дылевским – был отправлен на шестимесячную епитимию в Вольнянский, а затем Бытеньский монастырь. После отбытия епитимии Дылевский составил две записки «Przełgłdksi?gikormczcy» и «Por?wnaniegrecko-rossyyskichmszal?w», в которых доказывал, что московские служебники не могут употребляться униатами, и подвергал критике Кормчую книгу^[44]. Он оставил эти записки в консистории епархии. Одновременно с записками Дылевского Плавский вместе с А. Горбачевичем передали в консисторию прошение на имя императора. В нем они жаловались на притеснения со стороны духовного начальства – своего благочинного И. Гомолицкого, – просили защитить их от преследования. Прощению не был дан ход. Вообще Плавский слыл среди собратьев человеком неуживчивым, амбициозным и надменным. Поэтому его поведение никого из священников не увлекло. После того как демарш с прошением к императору провалился А. Горбачевич принял Православие, а Плавский был отправлен на должность дьячка в Могилевскую губернию, чтобы, с одной стороны, мерами «обуздания и исправления» сломить его упорство, а с другой, чтобы он смог ближе познакомиться с восточным богослужением и полюбить его^[45]. Там он не переменил свой образ мыслей и 9 февраля 1839 г. был отправлен в Смоленскую губернию на свободное поселение. 28 апреля 1840 г. он принял Православие и получил приход в Мстиславльском уезде. В 1851 г. А. Плавский, будучи настоятелем Белавичского прихода Литовской епархии, скоропостижно скончался^[46].

Судьба А. Плавского показывает, что преосвященный Иосиф старался мерами строгости добиться, чтобы священники не действовали согласно своим амбициям, а проявляли послушание иерархии и служили народному благу. В случае раскаяния их с радостью принимали и давали приходское послушание. Единственным, кто проявил упорство до конца и не принял служебника московской печати, был священник Ипатий Дылевский. Однако он происходил из римского обряда, получил образование в католической семинарии и готовился стать ксендзом, но затем решил жениться, а потому перешел в Унию. Униатской службы он вообще не знал^[47]. Его дальнейшая судьба неизвестна.

С некоторой натяжкой репрессивной мерой можно назвать высылку священников в великороссийские губернии. В 1839-41 гг. она была применена к 35 несогласным на воссоединение духовным лицам, которые к тому же соблазняли народ и собратьев. В это число попали в основном бывшие базилиане, а также полтора десятка белых священников, в числе которых находились 5 выявленных зачинщиков протеста против воссоединения 111 священников Белорусской епархии. Этот протест имел место в 1838 г. Для высланных в Россию это стало действительно суровой мерой. В то же время она не была связана ни с уголовным, ни с

административным наказанием, а осуществлялась в рамках полномочий епархиальной власти и за ее счет. Проживание высланных священнослужителей оплачивалось из средств Белорусско-Литовской духовной коллегии. Никто не подвергся тюремному заключению, ссылке в Сибирь или просто домашнему аресту. 20 монахов и священников были помещены в Курской обители, 15 человек находились в православных монастырях разных губерний, 5 жили на свободном поселении. За исключением 4 упорствующих, остальным священникам выплачивали ежегодное пособие в размере ста рублей, что равнялось жалованию дьячка после введения штатов в 1842 г., а семье единовременное – 13 рублей^[48]. О судьбе этих людей митрополит Иосиф писал в воспоминаниях: «Около пятнадцати священников выслано в великороссийские епархии; из них большая половина обратилась вскоре на добрый путь (1839 г. – А.Р.). Для неблагонадежных иноков учреждена в Курске временная обитель... Это были самые буйные; но как они были и по большей части и самые развращенные, то с ними не много церемонились (речь идет о 1841 г. – А. Р.). Несколько отправлено в Курскую обитель; несколько подвержено местному взысканию – и все на будущее успокоилось; лучшие приняли Православие»^[49].

Суммирование всех фактов о тех или иных мерах строгости, которым были подвернуты униатские священники, чтобы увеличить цифры и доказать существование жестоких репрессий, не более чем нечистоплотная попытка очернить воссоединение. Особенно это видно из того, что авторы не сообщают, сколько наказанных, если так можно выразиться, тем или иным способом священников одумались, проявили послушание и впоследствии многие годы были верными служителями Православной Церкви. К сожалению, эти данные собрать крайне трудно. Между тем в Литовской епархии в 1839 г. непреклонно, в силу личного религиозного убеждения, отказался от принятия Православия лишь один священник – родной брат бывшего профессора Виленского университета Игнатия Онацевича – Михаил Онацевич^[50]. Так что масштаб применения силы духовной властью при упразднении Унии удивляет ничтожностью. Он несравним с тем, что творилось при введении Унии в Речи Посполитой.

В целом в среде белого духовенства можно выделить небольшую группу людей, которые оказали некоторое сопротивление обрядовому сближению Унии с Православием. Это были зачинщики так называемых массовых протестов, имевших место в Новоградском благочинии в 1835 г., а также в Белорусской епархии и в Белостокском благочинии Литовской епархии в 1838 г. Как правило, все эти люди имели высшее богословское образование, из-за чего они считали себя вправе проявлять непослушание епархиальной власти, однако не столько из религиозных соображений, сколько пытаясь реализовать свои личные амбиции и приобрести у

собратьев авторитет. Таковыми были А. Плавский, А. Сосновский, И. Игнатович, А. Томковид и др. Впоследствии почти все они приняли Православие и долгие годы верно служили Православной Церкви. Тем не менее, приходится признать этих людей наиболее значительной силой, пытавшейся противостоять воссоединению. Их действия очень испугали российских чиновников, особенно в 1838 г. Ни старая униатская иерархия, ни базилианское монашество такой же по силе оппозиции проекту воссоединения не составили.

Чтобы понять, почему в среде белого духовенства появилось пусть и слабое, но все-таки сопротивление, почему вообще пришлось прибегать к мерам строгости, нужно обратить внимание на следующее. Согласно первоначальному замыслу, ни строгие меры, ни тем более репрессии не предусматривались. Жизнь внесла свои коррективы. В 1827 г. прелат Иосиф Семашко выстраивал такую логическую цепочку разрыва Унии: реформа греко-католических церковных институтов → свободное самостоятельное убеждение униатского духовенства в истинности Православия и, как следствие, возрождение в его среде православной духовной практики → обрядовые изменения → воссоединение. В 1832 г. предлагается иное и во многом по отношению к первоначальному плану противоположное: подчинение униатского Высшего церковного управления Высшему церковному управлению Православной Церкви → обрядовая реформа → убеждение сторонниками разрыва Унии приходских священников в спасительности православного вероисповедания → воссоединение. То есть, если вначале обрядовые изменения должны были увенчать процесс подготовки воссоединения, стать внешним свидетельством полного перерождения униатов в православных, то согласно плану 1832 г. они становились следствием подчинения греко-католиков Св. Синоду. В реальности делатинизация обряда оказалась подготовительной мерой перед подчинением Св. Синоду и поводом к убеждению униатского духовенства.

Коррекция планов в рамках проекта воссоединения, вызванная непоследовательностью правительственной политики, привела к тому, что литургические преобразования и убеждение священников проводились «сверху», встретили еще не до конца подготовленную развитием реформ 1828-29 гг. почву. В результате они столкнулись с сомнениями духовенства, не до конца убежденного в справедливости совершаемого. К тому же униатский клир в это время вынужден был лавировать между тем, чтобы угодить епархиальным властям и одновременно не раздражать помещиков-католиков, от которых во многом зависело его материальное благосостояние. Поэтому своим начальникам священники говорили одно и охотно давали всякого рода обещания и подписки, а при польских панах рассказывали выдуманные истории о притеснениях и в церквях продолжали искажать восточное богослужение, отложив служебники

московской печати в сторону^[51]. Последнее часто тиражируется историками, которые здесь видят твердость униатов в своем обряде, а не моральное и экономическое давление польских и полонизированных белорусских помещиков. При этом намеренно не замечаются факты противоположного свойства и то, что в итоге униатское духовенство сделало свой выбор в пользу Православия.

В таких обстоятельствах стоит удивиться, что репрессии в прямом смысле этого слова не понадобились. В большой степени это была заслуга владыки Иосифа, который сумел избежать раздражения, проявить терпение, такт и глубокое понимание всей сложности ситуации. Важную роль сыграл личный авторитет преосвященного Иосифа и его единомышленников, особенно при сборе подписок о желании воссоединения. Архиепископ Антоний (Зубко) по этому поводу пишет: «И благочинные, и простые священники тем решительнее соглашались давать эти подписки, что им было известно желание архиепископа Иосифа, которого они глубоко уважали, и при полном убеждении, что он сумеет дело воссоединения довести до конца стройно, без вредных столкновений. Притом все белое униатское духовенство разузнало, что думали об этом важном деле в Жировицах, где занимавшие должности в консистории и семинарии были челом, высшим авторитетом униатского духовенства: в Жировицах все держали сторону Православия»^[52].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что литургическое сближение Унии с Православием не было основополагающим принципом подготовки воссоединения, как полагали и полагают многие авторы. Оно было необходимо, но рассматривалась в качестве предварительной меры перед подчинением греко-католиков высшему управлению Русской Церкви, т.е. носило второстепенный тактический характер. Преобразования в богослужебной сфере показали, что для духовенства, в силу его малой образованности и близости к народу, который отличался обрядоверием, внешние различия Унии и Православия были важнее вероучительных. Поэтому литургическая реформа неожиданно открыла возможность для убеждения духовенства в истинности Русской Церкви и необходимости соединения с ней. Массовый сбор подписок о согласии стать православными, организованный в 1837-38 гг., выявил, что он беспрепятственно проходил там, где уже были проведены богослужебные изменения – в Литовской епархии. Наоборот, в Белорусской, где они искусственно тормозились епархиальной властью, подписки вызвали не только недоумение, но и возмущение недостаточно подготовленных к принятию воссоединения священников. В связи с этим вести речь о догматическом аспекте упразднения Греко-католицизма в Российской империи неправомерно. Этот вопрос во время воссоединения не стоял. Вклад литургической реформы в подготовку разрыва Унии заключается не столько в ее самостоятельном значении, сколько в том, что она послужила

поводом начать между низовым клиром и стремящимся к Православию начальствующим духовенством откровенный диалог о дальнейшей судьбе Унии.

Таким образом, основной предпосылкой успешного развития и благополучного завершения проекта упразднения Унии, завершеного в 1839 г., стала позиция белого греко-католического духовенства. С одной стороны, в его среде оказалось достаточное количество людей, на которых архиерей-воссоединитель сумел опереться; с другой, – приходской клир не встретил мероприятия, проводимые в рамках воссоединительного проекта (институциональную и литургическую реформы), общим сопротивлением. У Унии не нашлось твердых принципиальных защитников ни в лице старой, еще помнившей Речь Посполитую, иерархии, ни в лице базилианского монашества, ни в лице образованной части приходского клира. Лишь несколько получивших высшее богословское образование священников попытались противопоставить свое мнение действиям владыки Иосифа. Они выступили организаторами нескольких групповых протестов, очень обеспокоивших правительственных чиновников. Однако эти протесты не носили глубокого религиозного характера и, в конце концов, не были поддержаны основной массой священников. Поэтому эта оппозиция ничего не смогла, да и не могла остановить.

Источники и литература

1. Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 38 – 76.
2. Морошкин, М., священник. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени: в 2 ч. / священник М. Морошкин. – Санкт-Петербург : Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867 – 1870. – Ч. 1: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I, 1867. – 501 с.
3. Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с.
4. Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883.
5. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною

церквию в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр.

6. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 415. Журнал заседания Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью, с указами Синода епископам Западных губерний по осуществлению воссоединения (и черновые заметки Сербиновича по подготовке текста указов). Письма из Витебска о ходе воссоединения.
1. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 711. – Оп. 1. – Д. 8. Отчет министра внутренних дел за 1834 г.
 2. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22376. По отношению Брестского Греко-Унитского епископа Булгака с приложением свидетельства Литовского военного губернатора, о сохранении им верности к Российскому Престолу во время нашествия неприятеля.
 3. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. РГИА. Фонд 797. Оп. 6. Д. 22408. О приглашении митрополита греко-унитского Булгака во Дворец к обеденным столами о всемилостивейшем пожаловании его кавалером ордена св. Анны 1-й степени.
 4. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. О противуборстве некоторых греко-унитских духовных введению в унитские церкви свойственного им богослужения, обрядов и книг церкви Греко-Восточной. Адам Плавский, Хруцкий, Дылевский. Тут же и о помещике Голынском.
 5. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 824. – Оп. 1. – Д. 125. По предложению г. министра внутренних дел, о Всемилостивейше назначенном содержании викарным грекоунитским епископам: Василию Лжинскому, Антонию Зубко и Иосафату Жарскому.
 6. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917: в 2 ч. / И.К. Смолич. – Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1997. – Ч. 2. – 799 с.
 7. Филарет, (Дроздов), митрополит. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакциею преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 7 т. – Санкт-Петербург; Москва : Синодальная типография, 1885 – 1887.
 8. Хлебцевич, И.А. Иосафат Жарский провинциал Литовских базилианских монастырей, впоследствии епископ Пинский / И.А. Хлебцевич. – Гродно : Типо-литография С. Лапина, 1897. – 93 с. С. 43.
 9. Шавельский, Г., протопресвитер. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) /

протопресвитер Г. Шавельский. – Санкт-Петербург : Типография «Сельского вестника», 1910. – 380 с.

10. Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник П. Янковский. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с.: илл.
11. Dobrzyński, Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce / Z. Dobrzyński. – Warszawa, 1992. – Cz. 1–2.
12. Radwan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

^[1] Российские дореволюционные, а вслед за ними современные православные исследователи считают проведенную Иосифом Семашко в процессе подготовки воссоединения литургическую реформу Унии очищением униатского обряда от латинских наслоений. Здесь можно возразить. Литургические практики Юго-Западной и Северо-Восточной частей Русской Церкви начали расходиться, по крайней мере, начиная с XV в. За столетия на Украине и на белорусских землях накопилось очень много местных традиций и богослужебных особенностей, тем более что долгое время эти территории находились в церковном подчинении Греческой Церкви. Латинские элементы, следовательно, не могли быть единственным препятствием на пути к литургическому сближению униатов с Русской Православной Церковью в XIX в. К чему вела литургическая реформа? К возвращению греко-католиков к доуниатским истокам или введению совершенно нового и чуждого для них богослужения Русской Церкви имперского периода? Такую постановку вопроса часто можно услышать от нынешних апологетов Унии. Ответить на это можно следующее. Православная Церковь никогда не стремилась к полной унификации богослужения. Все поместные Церкви имеют собственные богослужебные и обрядовые традиции и практики. Это богатство многообразия при единстве веры является достоянием Вселенского Православия. Поэтому при воссоединении униатов никто не стремился к уничтожению местных особенностей. Они сохранялись тогда, сохраняются и теперь. Искоренению подлежало лишь то, что противоречило Православному вероисповеданию, а это и были именно латинские нововведения. Но здесь нельзя не видеть и другое. Можно ли было при воссоединении вернуться к литургической практике Юго-Западной части Русской Церкви доуниатского периода, т.е. в XVI в.? Это было бы абсурдом, тем более что нигде в Греко-католической Церкви специально не сохранялось как некая святыня или музейное сокровище богослужение тех далеких времен. Что же было делать? Научными методами искусственно восстанавливать литургические древности или предложить воссоединяемым принять существующее богослужение Русской Церкви? Ответ очевиден. Тем более, что доуниатские обряды все-таки были много ближе обрядам Русской Церкви Синодального периода, чем литургическая практика униатов в последние десятилетия перед воссоединением. Поэтому трудно согласиться, что обрядовые преобразования носили характер только очищения от латинских нововведений. В то же время невозможно принять мнение, что воссоединенным навязали нечто совсем новое и чуждое.

^[2] Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883 (в дальнейшем ЗИМЛ). Т. 1. – С. 579.

^[3] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 601.

^[4] Там же. – С. 696.

^[5] Там же. – С. 656–657.

^[6] Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (в дальнейшем РГИА). – Фонд 711. – Оп. 1. – Д. 8. Отчет министра внутренних дел за 1834 г. – Л. 45.

^[7] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 88.

^[8] Цит. по Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с. – С. 126.

^[9] Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с. – С. 78.

^[10] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 53.

^[11] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 72. Подтверждение такой характеристике можно найти в делах Святейшего Синода (например, РГИА. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22376. По отношению Брестского Греко-Унитского епископа Булгака с приложением свидетельства Литовского военного губернатора, о сохранении им верности к Российскому Престолу во время нашествия неприятеля. – Л. 1–3; РГИА. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22408. О приглашении митрополита греко-унитского Булгака во Дворец к обеденным столами о всемилостивейшем пожаловании его кавалером ордена св. Анны 1-й степени. – Л. 1–5).

- ^[12] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 89.
- ^[13] Там же. С. 153.
- ^[14] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 577.
- ^[15] Там же. – С. 577–578.
- ^[16] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 73.
- ^[17] ЗИМЛ. Т. 1. С. 72.
- ^[18] РГИА. – Фонд 824. – Оп. 1. – Д. 125. По предложению г. министра внутренних дел, о Всемилоостивейше назначенном содержании викарным грекоунитским епископам: Василию Лжинскому, Антонию Зубко и Иосафату Жарскому. – Л. 1–38; Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 93.
- ^[19] Хлебцевич, И.А. Иосафат Жарский провинциал Литовских базилианских монастырей, впоследствии епископ Пинский / И.А. Хлебцевич. – Гродно : Типо-литография С. Лапина, 1897. – 93 с. – С. 43.
- ^[20] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 154.
- ^[21] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 63.
- ^[22] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 159.
- ^[23] Цит. по Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 151–152.
- ^[24] Там же. – С. 152.
- ^[25] Там же. – С. 76 – 77.
- ^[26] Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 38–76. – С. 55.
- ^[27] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 655.
- ^[28] Морошкин, М., священник. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени: в 2 ч. / священник М. Морошкин. – Санкт-Петербург : Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867 – 1870. – Ч. 1: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I, 1867. – 501 с. – С. 250.
- ^[29] Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. – С. 67.
- ^[30] Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник П. Янковский. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с. – С. 157.
- ^[31] Там же. – С. 156.
- ^[32] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 90.
- ^[33] Филарет, (Дроздов), митрополит. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцією преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 7 т. / митрополит Филарет (Дроздов). – Санкт-Петербург; Москва : Синодальная типография, 1885 – 1887. Т. 2. – С. 446–451.
- ^[34] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 119.
- ^[35] ЗИМЛ. Т. 2. – С. 227.
- ^[36] Помещики возбуждали крестьян на противодействие видимому сближению с Православием. Например, в местечке Ратно Вольнской губернии, по тайному внушению предводителя местного дворянства Янышевского, после совершения литургии по чину Восточной Церкви около 30 человек крепостных на коленях просили епископа Иосифа оставить богослужение в прежнем виде. Не получив согласия, спустя месяц они самовольно придвинули престол к стене по латинскому обычаю и сняли завесу с царских врат. То, что это произошло по стороннему внушению, доказывает факт, что в 1838 г. жители Ратны сами изъявили желание воссоединиться с Православием (Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 105–106). Таких примеров было много.
- ^[37] Radwan, M. Carat wobec kościola grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s. – S. 171.
- ^[38] Dobrzyński, Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce / Z. Dobrzyński. – Warszawa, 1992. – Cz. 1–2. – S. 64–65.
- ^[39] РГИА. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. О противоборстве некоторых греко-унитских духовных введению в унитские церкви свойственного им богослужения, обрядов и книг церкви Греко-Восточной. Адам Плавский, Хруцкий, Дылевский. Тут же и о помещике Гольнском. – Л. 27–28; ЗИМЛ. Т. 1. – С. 89; Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. С. 101–102.
- ^[40] ЗИМЛ. Т. 3. – С. 153–154.
- ^[41] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 122–124.
- ^[42] ЗИМЛ. Т. 3. – С. 173–174.
- ^[43] Там же. – С. 259.

^[44] РГИА. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. – Л. 11–19 об.

^[45] Там же. – Л. 10.

^[46] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. – С. 120–122; Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. – S. 162.

^[47] РГИА. – Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. – Л. 20; ЗИМЛ. Т. 3. – С. 169.

^[48] РГИА. – Фонд 1661. – Оп. 1. – Д. 415. Журнал заседания Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью, с указами Синода епископам Западных губерний по осуществлению воссоединения (и черновые заметки Сербиновича по подготовке текста указов). Письма из Витебска о ходе воссоединения. – Л. 43.

^[49] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 129–139.

^[50] Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. – С. 73.

^[51] Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. – С. 69; Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. – С. 125–126.

^[52] Антоний, (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. – С. 72.